

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 26, октябрь 2016

Политический цикл новой стратегической фазы

Что происходит в Европе и Америке? *Financial Times* опасается конца глобализации, МВФ пугает сценарием 1914 года. Мы тщательно регистрируем провал их тридцатилетнего триумфализма по поводу глобальных судеб капитала, но следует оставаться настороже, сохранять верность марксистской науке политики, поскольку готовятся другие идеологии. Это не только и не столько ксенофобские и охранительные яды торговцев страхом, а, скорее, вынашивание нового мифа о глобальном капитале, в который внесены поправки, исправившие его худшие недостатки и сделавшие сострадательным в отношении проигравших, а также более усердным в преодолении неравенства.

Позволяют ли референдум по Brexit, выход Великобритании из ЕС, ксенофобская и протекционистская кандидатура на пост президента Соединённых Штатов предвидеть сближение атлантических держав? Действительно ли ведущие группы ориентированы на завершение либеристского консенсуса? Действительно ли начинается нарушение того порядка среди держав, на котором держалась глобализация?

Или же политические фибрилляции в действительности являются отражением «новой стратегической фазы», которая открылась в XXI веке

китайским вторжением, *последствием* изменений, а не *ответом* доминирующих групп? Действительно ли черты политического цикла в старых атлантических метрополиях склоняются к новому протекционистскому консенсусу? Или эти политические феномены являются скорее признаком нарушения равновесия, *идеологического* кризиса глобализации, но не её основ в доминирующих силах, проявлением трудностей групп и фракций крупного капитала в создании эффективной коалиции с широкими промежуточными слоями, мелкой буржуазией и наёмными работниками?

Мы выберем второй ответ и объясним его в размышлениях о *политическом цикле атлантического упадка, новой стратегической фазе и нисходящей фазе социал-демократизации*. Само собой разумеется, что нарушение порядка остаётся конечной стратегической перспективой неравномерного экономического и политического развития империализма, и противостояние между державами проходит через политические события, внезапные кризисы и конфликты, которые сами по себе непредсказуемы. В 1997 году в условиях кризиса *интернационализации*, затронувшего восходящую Азию и, следовательно, большую часть рынков, предоставлявших глубину мировому циклу перед лицом старых метрополий, мы утверждали, что политический осадок протекционистского типа был «*маловероятен, но не невозможен*». Кризис, который вновь втянул Азию; колебания больших масштабов, затронувшие китайский империализм, преобразовавшиеся как минимум в десятилетний процесс реструктуризации; вхождение в шторм конфликта между крупнейшими государствами: эти и другие осложнения позволяют нам вернуться к сделанной в своё время оценке, но изменив её пропорции.

И, наконец, хотя существуют два представляемых в чистом виде движения, действительный курс определяется промежуточными вариациями и градациями, *многообразными комбинациями*, измеряемыми лишь в конкретике развития цикла. Между сломом порядка и сохранением предшествующих аспектов глобальных отношений находится действительный процесс изменений и частичных кризисов, который отражает изменение соотношения сил или противодействует этому изменению. Существует «*колеблющийся порядок*», особенно после кризиса, который в 2008 году по этим причинам мы назвали «*кризисом глобальных отношений*».

В «Тезисах» 1957 года Арриго Черветто и Лоренцо Пароди предвидели длительный цикл капиталистического развития, экспансию развития в отсталые зоны мирового рынка, где две трети населения земного шара должны были предоставить пространство для уже утвердившихся империалистических держав и отсрочить их кризис; предвидели, что конфликты и напряжённость на протяжении долгой контрреволюционной фазы будут иметь характер частичных кризисов. В 1974–1975 годах таким был «*кризис реструктуризации*», он не являлся катастрофическим всеобщим кризисом тридцатых годов, именно потому, что противоречия старых регионов находили решения в развитии новых областей. В 1989–1991 годах в конечном плане то же самое произошло с имплозией СССР и распадом его сферы влияния в Восточной Европе. Этот кризис, имевший последствия, сравнимые с мировой войной, безусловно, не был мирным. Он вызвал конфликты,

унёвшие 300–500 тысяч жизней, если включить в их число жертвы первой войны в Персидском заливе, ставшей на Среднем Востоке следствием конца биполярной структуры. Но эта цезура порядка не был открытой и всеобщей войной, а являлась целью частичных региональных конфликтов, потому что мировые рынки, и прежде всего азиатский регион, всё ещё представляли стратегическую глубину для крупнейших изменений, каковыми были распад СССР и объединение Германии.

Если угодно, то именно распад СССР стал новым толчком для азиатского развития с ускорением Китая, несмотря на то, что Япония двигалась в направлении стагнации своего «*потерянного десятилетия*». На этом изгибе из-за судьбоносных последствий глобального развития, смещавших центр тяжести от атлантического бассейна к тихоокеанскому, появились предпосылки того, что мы назвали «*новой стратегической фазой*».

(продолжение на стр. 2)

Содержание

Политический цикл новой стратегической фазы	стр. 1-2
Ловушка роста и головоломка отрицательных ставок	стр. 3
“Клуб” центральных банков	стр. 4
<i>Европейские хроники</i> “Европа-защитница” в поиске консенсуса	стр. 5
<i>Выборы в США</i> Газеты и телевидение на выборах президента	стр. 6
Ливийская двойственность	стр. 7
<i>Промышленность и лекарства</i> Экономические и политические сражения в фармацевтике	стр. 8
Удобные ниши “счастливого антироста”	стр. 9
<i>Рабочий класс в мире</i> Поколения иммигрантов в Европе	стр. 10
<i>Страницы истории рабочего движения</i> “Союз коммунистов” и немецкая революция 1848 года	стр. 11
Демагоги 2.0	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 12

Приложение: Российские хроники

Потерянные десятилетия российской модернизации	стр. I
Начало пролетарского периода революционного движения в России	стр. II-III
Пустота парламентаризма	стр. IV

Арриго Черветто

**КЛАССОВАЯ БОРЬБА
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПАРТИЯ**

160 страниц, мягкий переплёт,
иллюстрации, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-0-7
Цена 200 руб.

Das Meer...
09.10.16
43

Начало пролетарского периода рев

В докладе группы "Освобождение труда" Международному социалистическому конгрессу, проходившему 23 августа 1891 года в Брюсселе, говорилось: «Мы считаем своим долгом покрыть Россию сетью рабочих кружков. Пока эта цель не будет достигнута, мы не будем принимать участия в ваших конгрессах: до этого момента всякое представительство русской социал-демократии было бы фикцией». Этот доклад был представлен от имени журнала "Социал-Демократ". На Лондонском конгрессе II Интернационала, проходившем 27 июля – 2 августа 1896 года, Г. В. Плеханов уже присутствовал в качестве делегата от петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса", который, кроме прочего, высылал и значительные денежные средства на представительство русской делегации¹. В докладе русских социал-демократов говорилось: «В настоящее время мы можем с законной гордостью сказать, что задача, поставленная в 1891 году, «отчасти исполнена. Первые, самые трудные шаги на пути организации русского рабочего класса уже сделаны, по крайней мере местами». В первую очередь имелся в виду Санкт-Петербург, где с 60-х годов XIX века «рабочее движение плело в многочисленных, но разрозненных рабочих кружках», где без малого 13 лет «ведла социал-демократическая пропаганда. То усиливаясь, то опять затихая, теряя огромные потери, и опять, как феникс, возрождаясь из пепла»².

Летом 1892 г. в столице Российской империи была арестована часть членов брусневского "Центрального рабочего кружка" и некоторые интеллигенты. В заключении обвинительного акта прокурора Петербургской судебной палаты по этому делу говорилось: «в последнее время в среде политически неблагонадежных лиц преобладающее значение получили, по-видимому, кружки находящиеся за границей русских эмигрантов, именуемый себя группой "Освобождение труда". Лица, стоящие во главе этого революционного сообщества [...], критика программ и действия бывшей партии "Народной воли", с неослабной энергией доказывают, что мущинами произвели переворот в нашем государственном и общественном строе является пролетариат [...]. Поэтому, по их мнению, все стремления к изменению существующего порядка обязаны прежде всего содействовать [...] росту классового сознания пролетариата [...]. Только такого рода революционную деятельность они рекомендуют русской интеллигенции и в этом усматривают единственную её задачу»³.

Но аресты уже не останавливали пропагандистскую деятельность социал-демократов, поскольку численность пролетарского авангарда увеличивалась год от года. Да и переломные рабочие в связи с частыми арестами задумывались о необходимости преемственности: после вышесказанного ареста оставшиеся на свободе брусневцы приняли решение о том, что каждый из них должен готовить себе преемника, которому следовало передать все связи⁴. Это была казул нового, пролетарского периода в истории русского революционного движения, разносторонний период заката.

Отражение этого перехода можно увидеть в статистике пострадавших за политические преступления. В. И. Невский в "Очерках по истории РКП (большевиков)" сообщает, что в течение шести лет, предшествующих I съезду РСДРП (март 1898 года), в России за политические преступления привлекались 4297 человек, причем «завершить этих лиц, а именно 1019 [...] за пропаганду среди рабочих и подстрекательство к стачке; если же принять во внимание, что и в трех других крупнейших видах преступлений [принадлежность к преступному сообществу, подворовные и за границей литературы и систематическое хранение и распространение ее] не малая доля принадлежит участникам рабочего движения, то станет ясным, что рабочее движение и его носители, действительны, становятся важнейшим фактором политической жизни»⁵.

Еще нагляднее это явление видно в динамике: если в 1891–1894 гг. среди арестованных участников революционных кружков было 602 рабочих, причем в данном случае в общее количество арестованных были включены и ремесленники, то в 1895–1896 гг. по явно заниженным данным делегата

политии, только за активную работу в революционных кружках было осуждено 936 рабочих⁶.

Слияние рабочего движения и социал-демократической организации

В феврале 1905 года, анализируя первую волну революционной бури, Ленин работает над оставшейся незаключенной статьёй "Первые уроки", в которой – «для правильной оценки революционных дней» – даёт «общий взгляд на новейшую историю нашего рабочего движения», отмечая ключевые даты, характеризующие целые полосы в истории борьбы пролетариата России: 1885, 1891, 1896 и позднейшие годы.

1885 год (Морозовская стачка): «широкие стачки с ничтожным участием совершенно единичных, не сплочённых никакой организацией, социалистов». Наступает «1891-ый год – участие петербургских рабочих в демонстрации на похороны Шелгунова, политические речи на петербургской мавзее. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения». Социал-демократия по-прежнему остаётся без тесной связи с рабочим движением, а то, в свою очередь, сохраняет стихийный характер. Но именно 1891 год стал отправной точкой намечавшегося крупного перелома в социал-демократическом движении, который произойдёт в 1896 году; ознаменует этот перелом петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих, она станет началом массового движения и уличной агитации «при участии целой социал-демократической организации»⁷, и хотя эта была «почти исключительно студенческая организация», тем не менее «её сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководящее делание то, что движение приобретает гигантский размах и значение»⁸.

В том же 1905 году Ленин работает над статьёй "Новые задачи и новые силы", в которой указывает, что развитие социал-демократии в России «характеризуется тремя замечательными переходами». Первый – «от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе». Второй – «к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям». Третий – «к непосредственной революционной борьбе». Эти переходы готовились «с одной стороны, работой социалистической мысли [...], с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»⁹.

Изменения, которые вели к этим переходам, «происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов». Подверженные влиянию психологического времени и не способные диалектически анализировать происходящие процессы, они начинали сомневаться «в прочности и жизнеспособности массового движения». Кто-то в такие моменты покидал ряды социал-демократии, но «затем наступал перелом, и всё революционное движение как бы сразу поднималось на новую высшую ступень». В этой связи «перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали практически новые задачи, дав разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал ещё накануне перелома»¹⁰. Но как обычно бывает, «происходило всё это не сразу, не без колебаний, не без борьбы, не без взрывов и усталостей, давая, казалось бы, отступившим и покорённым возмущения»¹¹.

Например, в подготовительных заметках к этой статье Ленин указывает, что переход «от кружков к экономической агитации» происходил в 1891–1895 годах «не сразу, поскольку этому мешали «мелкости» в организации новых организационных задач и «непривычка». Изменение организационных задач указывает Ленин, следует связывать с изменением наличных сил, а рост последних ведёт к специализации «на более строго определённых функциях». Развитие рабочего движения заставляет и учиться иначе»¹², не в кружках, а в борьбе.

Безумство храбрых

В 1893 году из брусневской группы интеллигентов на свободе остались единицы. Инициативу создания новой социал-демократической организации «в ужасном городе торжествующего царизма»¹³ взял на себя 24-летний С. И. Радченко. Существовавший с 1892 года кружок называли «технологами», так как его основу составляли студенты Технологического института. Ядро организации, которое также называли «стариками», состояло из С. И. Радченко, его жены Л. Н. Радченко, Г. Б. Красина, В. В. Старкова, Г. М. Кржижановского, П. К. Запорожца, М. Названова, А. А. Ванеева, А. Л. Малченко, Я. П. Пономарева, Н. К. Крупской. «Старикам» было от 20 до 24 лет, все они имели довольно хорошую теоретическую подготовку, как минимум отлично знали первый том "Капитала".

Связанная с организацией З. П. Невзорова будущая жена Кржижановского в 1920 году вспоминала: вокруг этой группы преимущественно студентов-технологов сложилась «маленькая кучка рабочих интеллигентов», находившаяся в окружении «миллионов враждебных или глубоко безразличных масс. Маленькая кучка без средств, без литературы», которой противостоял «огромный могущественный государственный механизм со всеми усовершенствованными орудиями борьбы и подавления: полиция, тайная и явная, войска, миллионы средств, вся пресса, университетская наука, школа и пр.». С оглядкой на это один неизвестный сегодня профессор истории Высших женских курсов, лично знакомый со «стариками», говорил: «Ваше дело безнадежно, вы безумцы и хотите прошибить лбом каменную стену»¹⁴. Но в руках у этих «безумцев» «был ключ [...] – великая теория Маркса, прорубившая ясную дорожку для работы, за ней стояли огромные пролетарские массы, ещё неподвижные, ещё пассивные, но полные глубокой и скрытой жизненной силой»¹⁵. Именно этим ключом они открыли дверь, ведущую к Октябрю 1917 года, вписав свои имена в историю. В данном случае то, как конкретно сложились судьбы этих людей, имеет второстепенное значение – важна их роль начинателей (Beginners)¹⁶.

Группа приступила к пропагандистской работе, завязывая связи с рабочими через вечерние школы, организуя кружки по 3–4 человека, в которых изучали марксистскую теорию, историю революционных движений, а иногда и историю мироздания.

"Освобождение труда": не состоявшийся центр партии-науки

Кружок «технологов» был единственным в Петербурге. Существовал склонившимся к «легальному марксизму» кружок Р. Э. Классона (1868–1926), в состав которого первоначально входила Н. К. Крупская. Он имел связи с группой "Освобождение труда". До весны 1893 г. действовали входившие в "Рабочий Союз" Бруснев кружок студента-технолога Г. Кулева и Н. О. Алюшкенкина, после их ареста на дознании выяснилось, что они работали в тесном контакте с революционно-демократической организацией польского и белорусского студентов-технологов¹⁷. Осенью 1892 г. начал работу кружок во главе с Григорьевым, переехавшим в столицу из Харькова, где он был связан с московской организацией Бруснева и группой В. П. Барыкина¹⁸; последний, находившийся в Твери, организовал гектографирование литературы, в том числе и изданий группы "Освобождение труда"¹⁹. Кружок Григорьева также просуществовал недолго, но и он попытался связаться с группой янвских социал-демократов. Были и просто «дичие» – не признавшие интеллигентов кружки, которые вели сами рабочие²⁰. Общак же численности участников рабочих кружков в первой половине 1893 года едва ли превышала сотню человек²¹.

Как видим, авторитет плехонцев среди социал-демократических кружков был велик, но организационная слабость группы "Освобождение труда" не позволяла ей стать действительным центром привлечения и объединения. Связь с российскими социал-демократами была нерегулярной и непостоянной. Если весной 1893 г. кружок студентов-технологов получил из Швейцарии транспорт, содержащий 200 экземпляров изданной, то отправленный плехонцами летом того же года транспорт был перехвачен

в Польше. В одной из брошюр жандармы нашли гектографированное письмо «К товарищам», обращённое янвскими социал-демократами к революционным кружкам Петербурга: «Прирученные всю нашу революционную литературу издавать за границей, мы только тогда [...] удовлетворим безусловно все потребности из России, когда установятся определённые, верные сношения с революционными кружками на Родине». В письме содержался призыв к созданию в Петербурге единой социал-демократической организации, которая одним своим существованием, своей деятельностью составит возможность для общей, осмысленной, правильной работы»²² по изданию и перевозке литературы.

Эту задачу по указанным ранее причинам левонамцам выполнить не удалось.

Уже не народовольцы, но ещё не марксисты

В. А. Шелгунов в 1923 г. вспоминал, что в первой половине 90-х годов XIX века зачатки «в один и тот же кружок протестантски настроенных рабочих приходили представители [...] двух направлений», марксистского и народовольческого. В связи с чем у многих рабочих возникал вопрос: «почему это и те и другие как будто хотят устроить всё к лучшему, а между тем у них у самих чувствуются какое-то несогласие. [...] И когда рабочий слышал, что один начинает оспаривать то, что говорит другой, то он становился в какой-то тулуп, и некоторые из начинающих просто отходили прочь, говоря: да они и сами не знают, что нужно делать [...] отдельные рабочие делали наивные попытки угостить интеллигентов не спорить между собой, т.к. это вредит общему делу»²³. Для решения проблемы Шелгунов организовал в декабре 1893 года у себя на квартире диспут, на котором М. Я. Суцинский представлял "Группу народовольцев", в которую также входили С. М. Ольминский, А. А. Ергин, А. А. Федулов, Б. Л. Зотов, А. И. Шаповалов, а со стороны социал-демократов были В. Старков и Г. Красин, из рабочих же, не считая хоронина, присутствовали И. И. Кейзер, К. М. Норинский и Г. М. Фишер. «Разницу мы усмотрели только в том, [...] пишет Шелгунов, [...] потому на тот момент было 26 лет, но он уже считался ветераном петербургского рабочего движения, – что народовольцы [...] за немедленный переворот, а социал-демократы говорили, что нужно сначала вести более глубокую пропаганду, лишь впоследствии, в кружках рабочие поняли – «разница есть», и она гораздо более существенна. На втором диспуте в марте 1894 года рабочие (кроме упомянутых выше присутствовало ещё 15 человек) «поставили, чтобы интеллигенты в кружках говорили только то, что считает нужным рабочая организация; при этом абсолютное большинство присутствовавших на собрании рабочих «согласились с социал-демократами», чем и объясняли их решение: народовольцы должны вести в кружках социал-демократическую пропаганду, а передовым рабочим при необходимости следовало «одерживать» зашедшего «не в ту степь» интеллигента. В итоге «некоторые время после этого собрания народовольцы в кружках читали Маркса, но это было не долго, т.к. вскоре все народовольческая группа была арестована»²⁴.

Это было время, писал П. Н. Лешинский, когда не только он сам, но и многие другие представители революционно настроенной молодёжи всё ещё находились в плену своих преких фетиш, не смел «крупно повернуться» к ним спиной. Кто-то пытался забыть неизбежное, кто-то сохлел с собой ветхого Адама, в целом же вся деятельность этих людей из народовольческих организаций носила «характер приспособления к новым стилям жизни».

В этой обстановке даже «статья с толку прокуратуры» заключала: «группу "народовольцев" [...] распространяющую в 1894 г. условия преемственности, изменили [...] лишь одиннадцать с народолюбцами убеждений»²⁵. И именно янвские социал-демократы²⁶. В отличие от рабочих, провозгласил Ленинский, для некоторых агентов охранки все души были серы.

Марксистские кустары

Наряду с социал-демократическими и народовольческими кружками в Петербурге существовали различные землячества и

Оллюционного движения в России

весма оригинальные организации, возможные только в царской России, вроде "Нелегального общества распространения легальных книг в народе", и они сыграли свою роль в укоренении марксизма. Так, Б. И. Горев (Гольдман) в 1921 году вспоминал, что вышеозначенное общество «насчитывало много десятков членов из разных высших учебных заведений Петербурга и номинально занималось рецензированием дешёвых народных изданий и составлением из них библиотечек, которые отсылались народным учителям и учительницам. Но главная сутьность этого общества состояла, конечно, в привлечении зелёной молодёжи, среди которой там велась усиленная революционная пропаганда. [...] происходили шумные споры и [...] сталкивались между собой в борьбе за влияние на студенческую массу разные направления общественной мысли того времени: либерализм, народничество, "культурничество", уже отжившее толстовство и, наконец, юный марксизм»²¹. Это была весьма обширная почва для пропагандистской работы: на одном большом собрании на Васильевском острове участвовало больше 300 студентов и курсистов²².

Марксистам было с кем работать, но их инструментарий был крайне ограничен. Из наличной литературы были «заграничные издания "Кружка народолюбцев" и летучие листки лондонского "Фонда вольной русской прессы", а также издания провалившейся незадолго пред тем в Смоленске типографии "народолюбцев" и петербургской группы "молодых народолюбцев", типография которых (сперва в самом Питере, а затем под Петербургом, в Лакте, где она и была захвачена полицией летом 1896 г.) работала исправно и выпускала летучие листки и даже брошюры». А вот «марксистские брошюры Плеханова и сборники "Социал-демократ" составляли чрезвычайную редкость и передавались из рук в руки, как сокровище». В таких условиях несвязанная с социал-демократическими кружками часть революционно настроенного студенчества (а это была гораздо более широкая его часть) узнавала о марксизме или по рассказам, или, что ещё хуже, по статьям теоретика либерального народничества Н. К. Михайловского в "Русском Богатстве", в которых тот писал, что «русские марксисты могут быть разделены на три разряда: марксистов-зрителей (безучастные наблюдатели процесса), марксистов-пассивных (только "облегчают муку родов", они "не интересуются народом, на земле сидящим, и обращают своё внимание и надежды на тех, которые уже отлучены от средств производства") и марксистов-активных (прямо настаивающих на дальнейшем разорении деревни)»²³.

В целом же в те годы, как впрочем и сейчас, среди прогрессивной настроенной молодёжи преобладало теоретическое верхоглядство и абстрактная революционность. Высланный после Шелунговской демонстрации из Петербурга Леонид Красин в 1923 году вспоминал: многие считали извещением «корпеть над книжками», будучи уверенными, что «достаточно прочесть несколько статей Герцена, Чернышевского, Михайловского, прочитать "Исторические письма" Лаврова, а если к этому ещё причитать брошюры Льва Тихомирова, то теоретическая подготовка революционера может считаться законченной и ему можно и должно идти немедленно в практическую работу»²⁴. Список Красина несомненно относится к народнической среде, но был свой «обязательный минимум» и среди социал-демократического студенчества: первый том "Капитала", статьи Энгельса, Каутского, Бебеля и Плеханова.

Продолжавшаяся борьба между марксизмом и народничеством делала высшие учебные заведения Петербурга на видными. Наибольшее количество марксистов было в Технологическом институте, этот факт посредством механистического применения марксистского тезиса о бытии, определяющем сознание, кое-кто объяснял тем, что «технологи имеют дело с промышленностью, а потому более восприимчивы к учению Маркса». «В университете же преобладало расплывчатое народничество (на разных женских курсах пальмовое влияние то или иное течение нередко в зависимости от близости к соответствующему мужскому высшему учебному заведению)»²⁵.

В целом же до промышленного подъёма середины 90-х годов XIX века и вызванного им роста стачечного движения «на марксистов смотрели в лучшем случае, как на чудачков, их пренебрежительно похлопывали по плечу ("ах, вы, марксист этикий!")».

Деятельность социал-демократов ограничивалась кружковой, пропагандистской работой, а потому их связи с пролетарской «расширились медленно, и интеллигентно-пропагандистов было больше, чем объектов этой пропаганды, организованных в кружки рабочих»²⁶. Связи среди студентов давали марксистам большое «количество технических помощников всякого рода»²⁷, для выполнения всякого рода технической работы привлекались и личные знакомые. Но непостоянство и текучесть подобного "актива" мешала планомерной работе по формированию кадров и структуры организации; на лето работа кружков зачастую прекращалась из-за того, что студенты разъезжались («революция уезжала на дачу»²⁸), так говорил об этом феномене В. А. Шелгунов; возникали трудности из-за необходимости передавать кружки и установившиеся связи новым пропагандистам.

Но как только смена экономического цикла повлекла за собой знаменитую "промышленную войну", о которой будет отдельный разговор, так тут же начали меняться настроения студенчества и интеллигенции: «Люди буквально в одну ночь становились марксистами. Правда, увлечение это не могло быть прочным, но в данный момент оно создавало вокруг марксизма благоприятную атмосферу. [...] группа молодёжи, сместившая лектора и печатавшая на нём толстовское "В чём мая вера" [...], стала [...] печатать "Манифест коммунистической партии"»²⁹.

Крайне ограниченными были и технические средства этого воинства: для размножения агитационной литературы использовались гектограф, «который, вопреки своему названию ("гекто" - значит "сто"), давал обыкновенно не больше 50 экземпляров»³⁰. Позднее произошёл переход к "новому изобретению Эдисона" - мимеографу: при помощи написанной от руки "восковки", которую тогда называли "трафаретом", это "чудо техники" позволяло делать 600-800 экземпляров, что воспринималось как переход от кустарного к машинному производству.

Кустарничество, которое в тот момент было болезнью роста, сохранялось в российской социал-демократии до начала XX века, когда Ленин подверг его жёсткой критике в замечательной работе "Что делать?"³¹.

Марксист с Волги на берегах Невы

Именно с именем Ленина был связан передельный период в истории российской социал-демократии. В Петербург он приехал осенью 1893 года, пройдя до этого хорошую марксистскую школу. Ещё в конце 80-х годов в Казани он начал изучение сочинений Маркса и имел связи с кружками Н. Е. Федосеева. Переехав весной 1889 года в Самару и благодаря этому избежав весьма вероятного ареста во время разгрома кружка Федосеева, который произошёл летом того же года, он продолжил изучение марксизма. В Самаре Владимир Ульянов жил до осени 1893 года и не только занимался теоретической подготовкой и исследованиями³², но и работал в кружке молодёжи, в который входил и ещё один ученик Федосеева, в дальнейшем известный большевик И. Х. Лалаев. Таким образом, подчеркивает Невский, Ленин «с самого начала [...] был не только знающим теоретиком [...], но и практиком в полном смысле этого слова»³³.

Приехав в столицу, Владимир Ульянов при посредничестве нижегородского землячества, а конкретно студента первого курса университета Михаила Сильвина (прошедшего через марксистский кружок П. Н. Скворцова) и рекомендательного письма от марксистов из города на Волге, познакомился с «явно социал-демократический»³⁴ группой "стариков". При первой встрече, несомненно, роль визитной карточки сыграла фамилия - "Ульянов", но даже она не избавила от "экзамена", в процессе которого проверяющие незаметно для себя стали испытываемым. Первая встреча не сформировала однозначного мнения, проявилась разногласия в отношении террора.

Авторитет формировался в процессе

работы, первый случай подвернулся в ноябре того же года при обсуждении вопроса о рынках. Признанный лидер "стариков" Г. Красин выступил с рефератом³⁵, построенном на цитатах из второго тома "Капитала", но владение теорией без знания «Монблана фактического материала»³⁶ о развитии капитализма в России в целом и в сельском хозяйстве в частности, неизбежно привело его лишь к выводу о том, что народники не правы, поскольку противоречат Марксу. На самом же деле, они были не правы, так как их выводы не соответствовали действительности. Именно исходя из анализа действительности, подошёл к вопросу В. Ульянов, опираясь на проделанную им ещё в Самаре работу. По ходу своего реферата Ульянов также подверг критике утвержде-

ния Красина, впоследствии отстаивавшиеся "легальными марксистами", что капиталистическое производство необходимо требует внешних рынков для реализации прибавочной стоимости и что производство независимо от потребительского рынка, ибо существует рынок средств производства; по существу, подобные воззрения ничем не отличались и от народнических взглядов по вопросу о рынках.

Таким был питерский дебют марксиста В. Ульянова, результатом которого стала работа "По поводу так называемого вопроса о рынках". Авторитет марксистского теоретика был завоеван, завоевание авторитета выдающегося практика-организатора было не за горами.

Сентябрь 2016 г.

- 1 - Плеханов Г. В. Сочинения. М., Л., 1923-1927. Т. IX. С. 351.
- 2 - В годовом отчёте петербургского "Союза борьбы" за 1896-1897 гг. в рубрике "На организацию и расходы на квартиры представительства на Лондонском международном рабочем конгрессе, почтовые расходы и др." указана сумма 1021 руб. [Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа "Освобождение труда". Л., 1975. С. 276]. Часть этих денег была использована для того, чтобы напечатать на немецком языке и раздать делегатам конгресса доклад русских социал-демократов, почти одновременно его издали на английском и русском языках, а в 1897 г. он был переведён на болгарский язык.
- 3 - Цит. по: Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 113.
- 4 - Цит. по: Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа "Освобождение труда". Л., 1975. С. 239-240.
- 5 - Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х - начала 90-х годов: кружки (П. В. Точиского и М. И. Бруснева). Л., 1960. С. 197-199.
- 6 - Невский В. И. Очерки по истории РКП (большевиков). Л., 1924. С. 477.
- 7 - Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа "Освобождение труда". Л., 1975. С. 248.
- 8 - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 9. С. 250.
- 9 - Там же. С. 251.
- 10 - Там же. С. 294.
- 11 - Там же. С. 294-295.
- 12 - Там же. С. 407.
- 13 - Мы взяли эту характеристику из доклада Г. М. Кржижановского, сделанного на вечеру воспоминаний о В. И. Ленине 3 февраля 1924 года. Приведём более развёрнутую цитату для понимания атмосферы, окружавшей тогда молодых и совсем юных марксистов: «Каменные громады зданий, гранит и мрамор его дворцов, молчаливая чёрная Невы, блеск европейских магазинов, сияние лучей электричества на главных величественных проспектах и тонущие в нездоровой сырой мгле, балансирующие на болотистой почве угрюмые фабричные загогулки окраин. Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма. Отборная рать здоровеннейших городских торговцев на каждом перекрёстке, не менее упитанные фигуры дюжих "окологорок", характерная оробь барабанов с пронзительным присутствием маршевой фуфайки, аккомпанирующей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск, "цвет" бюрократии и генералитета, хранявших широкие тротуары Невского проспекта, и целые тучи шпионской рати, шныряющей в мгновениях тумане бесконечных петербургских улиц» [Кржижановский Г. М., 1933. С. 28-29].
- 14 - Цит. по: Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 132.
- 15 - Там же. С. 133.
- 16 - Незаорова стала агентом "Искры", а затем большевичкой; Мазанко также был агентом "Искры", позднее отошёл от революционной деятельности, а в сталинские годы был расстрелян; Кржижановский продолжал работу в большевистских организациях, в 1911 году участвовал в подготовке вооружённого восстания в Москве; Старков прошёл ссылку, тюрьмы, участвовал в революции 1905-1907 гг., а затем отшёл от партийной работы; сохранил была судьба С. Н. Радченко, умершего в 1911 году; его жена Л. Н. Радченко, после II съезда РСДРП примкнувшая к меньшевикам, прошла через сталинские лагеря; Г. Б. Красин от революционной деятельности отошёл, став выдающимся изобретателем и конструктором; П. К. Запорожец и А. А. Ванеев отдали свои жизни за дело пролетариата, умерев от полученных в борьбе болезней в 1905 и 1899 году соответственно.
- 17 - В их числе был белорусский писатель-демократ Адам Гуранович (1869-1894), который провёл около полугода в Петропавловской крепости, заболел, был отправлен на родину, где и умер от черной оспы.
- 18 - Это тот самый Барыбин, который в 1886 г. участвовал в создании первого в России общества взаимопомощи рабочих "Взаимность". В тюрескую группу Барыбина входили брат и сестра Кутушевы; В. А. Кутушев во время учёбы в Санкт-Петербургском Лесном институте входил в социал-демократический кружок во главе с Д. Благовым, затем был членом РСДРП и оказывал партии большую финансовую поддержку.
- 19 - Так были изданы "Русский рабочий в революционном движении". Речь Варлена перед судом испрошительной позиции и др.
- 20 - Логинов В. Т. Ленин: как стать вождем. М., 2011. С. 197.
- 21 - История рабочих Ленинграда, 1917-1965 гг.: в 2 т. Л., 1972. Т. 1. С. 190.
- 22 - Цит. по: Жуйков Г. С. Петербургские марксисты и группа "Освобождение труда". Л., 1975. С. 242.
- 23 - Цит. по: Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 122.
- 24 - Там же. С. 123.
- 25 - Ленинский П. Н. На повороте (от конца 80-х годов до 1905 г.). П., 1922. С. 28.
- 26 - Там же. С. 29.
- 27 - Горев Б. И. Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад: (Воспоминания) // Красная новь. 1921. № 3. С. 100.
- 28 - Не обходилось без ситуации, достойной пера сатирика. Так, на упомянутое собрание явился с большим нарядом начальник охранного отделения Сехиринский и потребовал переписать присутствующих: «один студент назвал себя Николаем Александровичем Романовым, а другой - Баном Ньютоном Ян Гилербола, полиция лишь растерянно записывала». (Горев Б. И. Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад: (Воспоминания) // Красная новь. 1921. № 3. С. 100.)
- 29 - Цит. по: Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 1. С. 200.
- 30 - Красин Л. Б. Дела давно минувших дней // Пролетарская революция. 1923. № 3. С. 4.
- 31 - Горев Б. И. Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад: (Воспоминания) // Красная новь. 1921. № 3. С. 101.
- 32 - Там же. С. 107.
- 33 - Там же. С. 106.
- 34 - Цит. по: Первый съезд РСДРП. Документы и материалы. М., 1958. С. 124.
- 35 - Горев Б. И. Марксизм и рабочее движение в Петербурге четверть века назад: (Воспоминания) // Красная новь. 1921. № 3. С. 102-103.
- 36 - Там же. С. 107.
- 37 - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 6. С. 1-192.
- 38 - Весной 1893 г. в Самаре была написана и читалась в кружках первая из сохранившихся марксистских работ Ленина "Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни". Там же Ленин начал работать и над книгой "Что такое "дружба народа" и как она воюет против социал-демократов?".
- 39 - Невский В. И. Очерки по истории РКП (большевиков). Л., 1924. С. 284.
- 40 - Там же. С. 363.
- 41 - Рефераты представлявшие собой разбор тех или иных буржуазных идеологий и их марксистскую критику, стали тогда новой формой пропагандистской учёбы в социал-демократических кружках.
- 42 - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-ое. Т. 1. С. 130.